

Фонд
Земцовских

John
Gresley
Lytton Bonython,
Katomamun
HyBwnechus
1915

7

КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧЕСКИЙ

ЖИВОЕ ЗЕРКАЛО

(второй этап ленинградской поэзии)

Кошмары боя, изогрязи

Санкт-Петербургъ

1974

ЧЕРНОВИЧАЯ АППАРАТОРКА

ФАЛЬСЕ ЗОБЫ

(автоматический мате Коффи)

ЧЕРНОВИЧАЯ АППАРАТОРКА

4701

ЧЕРНОВИЧАЯ АППАРАТОРКА
ФАЛЬСЕ ЗОБЫ
Кофе Коффи
Мате Коффи

Издание 4-ое, исправленное

Л. А. Д.

Город
дома
такими
издательствами
сергей Стра
Француз
София
Литература
Израиль
Израиль
Израиль
Израиль

Запрещается публикация в "Посене"
и прочих еврейских издаельствах

3 9
Л. А. Л.

Гаври
олегих
тимоний
константина

сергей Стра
александар
борислу
викторик
михаил
владими
виктор
цирел
бенис
петрч

льчик
апкин
Трифонов
узьминский

тоновскии
Озигапов
ириянов
ривулан
сидалев
ирориль
шираки
екбасов
Тайгин
ефтин

"жесты" в наименование
изображающих животных хищных и

E. A. B.

"Иосифа Бродского спросили:
- Кто еще в Ленинграде представляет интерес?
- Ну, Володя Марамзин.
- И все?
- Пожалуй, все..."

(Из разговора с падчелом Проффером)

Д. ДАР

ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Нет, ты только не говори мне, что быть может когда-нибудь эти строки будут напечатаны, поняты и признаны критиками, профессорами, дантистами, лейтенантами, портными и всеми другими трудящимися массами. Когда ты говоришь это, то я чувствую, как в меня проникает самодовольство - оно струится по всем моим сосудам и артериям, приятно отравляя меня тайной надменностью и вознося на ту сладостно-головокружительную высоту, где живут лишь избранные.

Но я не хочу на ту высоту один, без тебя. Я не хочу оставить тебя внизу, бросить среди тех, кто еще не добился или никогда не добьется успеха. Я не хочу глядеть на тебя с высоты искаженно-снисходительным взглядом, унижая тебя нашим неравенством.

Я хочу остаться рядом с тобой. Я хочу разбить свою палатку рядом с твоей, у самого подножия той немыслимой высоты, и пусть развеивается над нашим лагерем всем оболганное знамя непонятых и непризнанных, тех, кто еще не добился или никогда не добьется успеха.

Нет ничего противостоящего понятого, признанного, а к тому же еще и смытого поэта. Такой поэт напоминает кусок съеденного и уже переваренного хлеба. Настоящий поэт

для меня — всегда непризнан, наг и голоден. Его понимают и признают только несколько учеников и друзей. Он утоляет голод их одобрением. А свою наготу прикрывает божественными крыльями горделивой и бессмертной богини Пoesии, которая высится в зеях над государственными деятелями, полководцами, профессорами литературы и трудящимися масками, всегда хиная, бескорыстная и бесстрашная, озаренная пленительным светом, источник которого, быть может, таится в наших собственных душах.

Такими непризнанными, нагими и голодными прошли через мое жизнЬ Лебников и Мандельштам, Лариса и Вагинов, Ахматова и Цветаева, Сосюра и Бродский.

Мой разум говорит, что это нелогично и неубедительно, что есть обделенные и общепризнанные поэты, которых проходят в школе, и я их богоизбран. Но что-то иное, что-то сильнее логики убеждает меня в ином:

Это мы, непонятые и непризнанные, те, кто еще не добился или никогда не добьется успеха, утопая по колена в болоте безвестности, поднимаем на своих худых и перниных руках Пушкина и Шекспира. И они воззываются над миром, сверкая чисто вымощенными ногами.

Это мы, непонятые и непризнанные, те, кто еще не добился или никогда не добьется успеха, противостоям могучей и сплоченной команде олимпийцев, которые покоятся на вазитых, как сливы, перинах самодовольства и надменности. И мы спасаем искусство, которое без нашей зависти, неуверенности, нищеты, без отчаяния нашего унеслось бы в такие высоты надменности, что сияло бы в нереальных далах, ничего не освещая и никого не согревая.

Но мы, непонятые и непризнанные, день и ночь стоим по колена в дерьме, и напряжены наши каменные мышцы, и накалены наши отчаянные надежды, и неутомимы наши горькие усилия. И только поэтому бессмертная Богиня Пoesия никогда не стареет и вечно над миром сливается ее влекущий таинственный прелестный шепот.

и вновь друг в друга, фантастична и вычурна, но от
одной и другой вспышки были изложены и сказки в восток
которые имели мало искажений и, наконец фантастичные были
данные такой чистой писательской чистоты и, что
всех них были не хуже, чем в книге для детей и творческо

«Родина Пинкельмана» Альбера